

16+

Катерина Шпиллер
Эффективная бабочка

Катерина Александровна Шпиллер

Эффективная бабочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33573657

SelfPub; 2018

Аннотация

"Своим поступком – путешествием во времени и убийством – я остановила, прервала свою жизнь в мои двенадцать лет... Я живу не как все – из прошлого в будущее без отклонений в неведомое, а имею будто бы фасеточный взгляд на реальность. Я – эффективная бабочка, что режет крылом реальности и парит над всеми её вариантами, не покидая колеи линейности времени."

ЭФФЕКТИВНАЯ БАБОЧКА

ПРОЛОГ

«Мой рай отраден буйством диких красок,

Лениво море от тепла воды...»

Я поднимаю голову от монитора и смотрю в свой сад с веранды. Нисколько не преувеличение, настоящий рай. Разноцветная пена цветов, фруктовые деревья, разных форм непролазные кусты... кустистые кусты – тянет сказать именно так, но ищешь и находишь синоним – работа нынче такая. Густые. Густющие. И какого угодно оттенка, только не привычного русскому глазу зелёного, а фиолетового, красного, ядовито-жёлтого, голубого...

Между всем этим ботаническим великолепием кокетливо извивается тропинка, бегущая вниз по пологому склону – к волшебной лагуне, где нахально лениво не плещется, а сонно нежится под солнцем чистое изумрудного цвета море. Тёплое, как бассейн для малышей, как лягушатник. Спокойное, словно водохранилище. Разве не рай?

Я могу протянуть руку из окна и, чуть-чуть подавшись вперёд, сорвать апельсин, нагло растущий прямо перед окном, в которое он бессовестно стучится всякий раз, когда окно закрыто и вдруг налетает лёгкий райский ветерок-бриз с моря. Но я не стану этого делать: оранжевое чудо безупречно красиво смотрится на фоне нежно-бирюзового неба, почти совсем незаметно стекающего в изумрудно-синее море. Такое ощущение, что море с небом заняты бесконечным процессом обмена цветов – сверху-вниз, снизу-вверх... Апельсин на таком фоне идеален! Жаль, что я не рисую, не дано.

Сижу перед монитором, работаю со стихами, люблюсь своим раем и сожалею, что не рисую. В голову снова приходит мысль: забавно, я взрослая женщина, даже не юная совсем, а мне всего пять лет. Я психически здорова, просто такая вот сумасшедшая арифметика. Правильней, наверно, высшая математика, сверхвысшая... И никто про меня ничего толком не знает: ни про очень невесёлое прошлое взрослой женщины, ни про то, что этого прошлого уже нет – ей всего пять лет. Никто не знает и никогда не узнает. А даже если узнает, то не поверит. А если поверит, то он безумен. А я знаю, что это правда, и не безумна.

Поэтому я совершенно расслаблена и покойна в моём личном раю. Я бабочка в эдемском саду. Эффективная бабоч-

СЕГО ДНЯ

Мой муж – гений. Гений всех времён и народов. Ньютон, Эйнштейн, Ландау, Гейтс – все эти незаурядные и более чем способные люди должны были бы выстроиться в очередь, чтобы преклонить перед ним головы и признать безусловное превосходство величия его разума.

Его зовут Вениамином, но для мира он однажды станет Великим Учёным Беном Львовским. И на каждом углу ему поставят памятники... и все учебники будут пестрить его фамилией с непременно прилагаемыми «великий», «гениальный», «единственный», «непревзойдённый» и всё такое прочее. Иногда я думаю, будто бы забыв, что мы живём в эпоху фото и видео, как станут изображать благодарные потомки Львовского? Или если представить, что его пытаются увековечить в ту эпоху, когда для изображения ещё не было ничего, кроме живописи, скульптуры и слов... Ох, порадовались бы «увековечиватели» – материал потрясающий. Бен Гур из знаменитого блокбастера. Высокий, статный. Шевелюра богатая, кудрявая, семитский шик. При этом вполне пижонская короткая бородка, а рот вообще не виден в чёрных зарослях усов. Ну, прямо Карл Маркс в молодые годы! Прибавьте к этому типично ев-

рейские глаза с вечной грустинкой для восторга всех аидише-мам. А еще сильные руки и... ни к чему этому великолепию не подходящие нелепые дедушкины очки. Зрение наш гений испортил себе ещё в отрочестве и с тех пор носил только такие очки (вот чудак!), в которых ему было хорошо видно и очень удобно. А как на грех, самые удобные для него очки всегда почему-то страшные, как изделия советской легкой промышленности, и давным-давно устаревших моделей. Поэтому весь свой природный еврейско-брутальный шик он сводит на нет, портит этой единственной досадной деталью. Львовского это нисколько не смущает, ему на подобную ерунду глубоко плевать.

И правильно: всё равно весь мир преклонит пред ним колени! Но это будет не скоро, неизвестно, когда: сначала он должен отдать свою десятину бизнесу, отработать необходимые оброк и барщину, и только потом, может быть, что-то достанется человечеству – с барского плеча хозяев жизни. А, может, и нет, я давно уже о происходящем в мире ничего хорошего не думаю, главное, успеть от них, от людей, живым голову унести, после того, как предложишь им своё великое открытие или, к примеру, избавление от всех болезней и страданий. Оно же тебя за это и сожрёт с большим удовольствием – найдёт повод. Так что, чёрт с ним, с человечеством, пусть ему ничего не достанется вообще.

Мы с Веней вместе восемь лет, сейчас мне тридцать три.

Наш союз – союз роковой, осмысленный, не чувственно-спонтанный. Восемь лет назад я уже давно жила по инерции, стараясь не задумываться ни о собственной жизни и её смысле, ни о том, что такое судьба и для чего я вообще живу. Моё прошлое было покрыто таким зловонным мраком и безысходностью, что радоваться жизни, а тем более любить её и ждать чего-то хорошего я успешно разучилась. Зато столь же успешно научилась жить и притворяться. Притворяться, чтобы жить, а жить, чтобы притворяться.

Несмотря на пережитую сильнейшую депрессию и ещё парочку очаровательных в своей невыносимости неврозоз и психозов, мне удалось научиться жить одним днём, как советуют все психиатры и психологи, как научил меня мой доктор. Но это не сделало меня ни на гран счастливее, просто позволило рационально и хладнокровно относиться к своим мучениям. Всё это ложь, что от «однодневности» становится легче. Ты живёшь этот треклятый один день, как приговорённый, потому что всерьёз заставить мозг радоваться именно этой тарелке вкусного супа, который я сожру здесь и сейчас, или именно сейчас выглянувшему солнышку, под которым я пойду прогуляться, невозможно. Он на то и мозг, что умеет всё сразу: и радоваться супу, и жестоко мучить своего хозяина мыслями про прошлое или страхами за будущее. Ничего не меняется. Психологи либо издеваются, либо лгут во спасение, либо кристальные дура-

ки, ни хрена, видимо, не понимающие, что может твориться в душах исковерканных своими несчастьями людей. Может, конечно, и есть такие больные, которым для радости достаточно вкусного супа и ясного солнышка, но как это они умудрились захандрить, сойти с того, чего у них никогда не было? Нет, депрессия – удел отличников и книголюбцев.

Так вот... Жила я себе приговорённой к пытке жизнью, делала хорошую мину при вполне качественной игре. По утрам, постанывая, ползала по квартире, пытаясь настроиться хоть на какое-то подобие здоровой жизни: босиком и голая (не было сил хотя бы накинуть халатик), согбенная, как древняя старушка, держась за стену и порой подвывая в голос (так легче было избавляться от ноющей боли в солнечном сплетении), бродила по своему дому, тупо ожидая, как со временем, часа через полтора, отпустит. Иногда приходилось прибегать к помощи препаратов, когда совсем уж крЮчило.

Отпускало. И я могла более-менее пристойно существовать до самого позднего вечера. Где-то около полудня садилась за компьютер и работала свою работу: переводила с английского на русский и обратно. В зависимости от того, что нужно было моему работодателю – крутой фирме по недвижимости, изо всех сил выпрыгивающей из штанов, чтобы её заметили и оценили в Европе и Штатах. Меня эти попытки смешили до желудочных колик, но ровно до того момента, пока шеф – Рома Крюков не отыскал каким-то

чудом и непонятно где Веньку Львовского. И вот тогда началось. Всё и у всех началось – и у фирмы, и у Ромы, и у меня...

Я была тогда ещё вполне молода – что такое 25 лет? Почти юность по нынешним временам. Но у меня было прошлое, вернее, не так, а вот как: ПРОШЛОЕ. Ужасное, стыдное, отвратительное, смрадное. Я расскажу.

КОГДА-ТО

Меня угораздило родиться у красивых и успешных по всем статьям людей, но по сути в гнилой и гадкой семейке, где Он и Она счастливо нашли друг друга по принципу «дрянь к дряни липнет».

Он, самый русский из русских – весьма среднего роста, с пшеничными когда-то в юности густыми волосами, сильно поредевшими уже к тридцати и обнажившими похожую на тонзуру лысину, серыми глазами и невнятными чертами, в которых явно просматривался монгольский след, был по натуре нарциссом самовлюблённым (может, и у ботаников есть такой термин на латыни). При этом неглупый и удачливый во всём, за что ни брался. С амбициями и без каких-либо моральных заморочек и устоев. Вот такой прямо со школьной парты, когда смекнул, что судьбу в этой стране легче всего сделать, полностью посвятив себя игре «Мы строим

коммунизм, и танки наши быстры». Бывают такие способные, шустрые мальчишки. Очень целеустремлённые мальчишки – именно из маргинальных низов (ах, простите, за откровенность, дедушка и бабушка!). Чем маргинальнее, тем злее и целеустремлённее, кстати.

К сорока годам папа сумел без большой кровопотери отбить у судьбы вполне хлебное и синекурное местечко чиновника в министерстве внешней торговли. Помимо блестящего старта в виде комсомольской карьеры и знания иностранных языков, у отца с юности имелся океан честолюбия, наглости, умения работать локтями и никаких тормозов в подковёрных играх. Предательство, когда выгодно, шпионство – для удовольствия начальства, подписание подмётных писем – да ради бога, лишь бы на здоровычко и в дело. Всей этой гадости в его душонку было наложено с избытком, с добавкой, с горочкой. Его родители, мои бабушка и дедушка – простые были люди, проще некуда. Считались рабочими – дед служил охранником на складе, а бабка наводила чистоту в заводууправлении. Пили оба, оттого и ушли рано: дед спился и умер, не дожив до пятидесяти, бабушка ненадолго пережила мужа. Но отец любил подчёркивать своё «рабочее происхождение», гордился им и не забывал при случае поминать, что «В нашей прекрасной стране всем открыты дороги в любую высь. Я – тому яркий пример».

Мамаша моя – это удивительное нечто. Она, безусловно, особенная. А с учётом того, в какой семье родилась и как

воспитывалась, – уникам. Жили-были добропорядочные инженеры-конструкторы, верившие в светлое коммунистическое завтра, неприхотливые в быту, кристально честные и старательные в работе, любители туристических походов и посещения музеев по выходным. И растили они красавицу дочку. Ну, правда, красавица же получилась настоящая! Тогда в «совке» никто понятия не имел ни о какой Барби, а ведь девочка вышла, будто по лекалам той куколки скроенная: пышноволосая блондинка, стройняшка с самого детства и без всякого гадкоутяческого периода. Глазищи голубые, миндалевидные, ресницы будто приклеенные – длинные, загнутые, тёмно-пепельного оттенка. Когда мама лет в тринадцать стала их подкрашивать синей тушью, окружающие чуть в обмороки не падали от получавшейся нереальной, нездешней какой-то красоты. К тому же ноги. Ну, вы знаете ноги у Барби – вот примерно такие у моей маман.

То ли рано проявившаяся красота сыграла свою роковую роль, то ли что-то другое, но из прелестного ангела в приличной семье вырос странный лебедь. После получения почти отличного аттестата зрелости, красавица поставила родителей перед ошеломившим их фактом, что учиться она пойдёт не в институт, а на престижные курсы машинисток-стенографисток со знанием иностранного языка. Кстати, окончила она их с большим успехом.

Так вот, Барби моя лет с семнадцати была в активном поиске правильных, перспективных, «калорийных» (её мерз-

кое слово) мужчин, способных обеспечивать все её материальные потребности, намеченные ею к обязательному осуществлению: большая квартира в центре столицы, два автомобиля, двухэтажная дача за городом, бриллианты в ассортименте, заграница для выезда в отпуск и так далее. Мать никогда не была дурой, отнюдь. Просто в её системе жизненных и моральных ценностей каким-то непостижимым образом оказалось только материальное, дорогое, роскошное и очень конкретное. Иногда мне думалось, что это, возможно, всё же некое отклонение, к примеру, психическое, или генетический, может быть, сбой. Иначе необъяснимо, как в семье обычных советских инженеров, повёрнутых на культуре, искусстве и моральных ценностях строителей коммунизма, могла вырасти девочка, которая, прочитав много книг – правильных и хороших книг, увлекаясь мировым кинематографом и высоко ценя итальянский неореализм, не имела никаких интересов и поводов для переживаний и слёз, кроме предметов роскоши и престижа, кроме того, что составляет основу и суть безбедного, верней, богатого существования. Как? Почему некая кнопка в её сознании (или душе, кому как угодно), отвечающая за вот это самое материальное, вдруг залипла, как дверной звонок, в который мелкое хулиганье засунуло спичку? Залипла и звонит, звонит, звонит, не давая ей переставать жаждать, хотеть, а владея, непрестанно этим наслаждаться и никогда не уставать от блеска камней, золота, а если уж быть честным, то от шороха купюр, желая

тельно крупных, ещё более желательно вовсе не рубливых.

Мои бабушка и дедушка с маминой стороны... Кажется, они боялись свою дочь и её образа жизни. По крайней мере, я их видела всего несколько раз. Под старость они купили домик где-то в дальнем Подмосковье и стали жить хозяйством, огородом и воспоминаниями о прошедшей правильной молодости, тихо и незаметно, стараясь не беспокоить свою взрослую принцессу-королевишну, которая иначе, как презрительным «деревенщина» их не называла. Даже в моём присутствии. Так и получилось, что никакой к ним привязанности у меня не образовалось. Наверно, у них ко мне тоже. С чего бы? Мы были из разных миров.

В общем, они с отцом нашли друг друга. И составили в каком-то смысле идеальную пару. Была ли меж ними любовь? Вот вопрос вопросов, на который я доселе ищу ответ, и каждый раз не уверена в том, что рассуждаю правильно. Способны ли вообще такие люди любить?

Они легко предают друзей и коллег, если этого требует карьера – прожорливая пасть, постоянно алчущая жертв. У родителей никогда даже по краю сознанию не пробегает тень сомнений или мук выбора. Надо так надо. Какие вопросы?

Они легко прекращают общение и забывают людей, которые «срываются» в бедность или неудачи по разным и часто трагическим причинам. Такие им не нужны, не интересны. Ещё не дай бог оказаться втянутыми в воронку чужой беды или тратить себя (что хуже – деньги!) на помощь кому-то, на

спасение. Вон из жизни, зачем нам неудачники?

Я наблюдала, как менялось лицо матери, если какая-нибудь подружка начинала плакаться ей о своих серьёзных проблемах. Мама морщилась, закусывала жемчужными зубками нижнюю губку и произносила одну лишь фразу (но с какой интонацией!):

– Ой, не нагружай меня, ради бога!

После этого мало кому хотелось продолжать откровенничать и жаловаться.

Отец же, как «рабочая косточка», был откровенным и прямым и во время застолий, произнося тосты или просто болтая, будучи чуток подшофе (до чертей он никогда не напивался, родительская «прививка» держала его в узде, отдаю папе должное), декларировал:

– Не можешь – брысь под лавку! Сплоховал, дал слабину – вон из наших рядов! Значит, сам дурак. У нас есть все возможности не делать глупости и жить замечательно. Что – не так?

Разумеется, с ним никто никогда не спорил, гул одобрения всегда был ему поддержкой. Только кого он имел в виду, произнося «у нас»? У сидящих за его столом или шире – у всех советских людей, а может быть, с размахом на все человечество? Впрочем, слова «наши ряды» многое проясняли.

Если бы кому-то взбрендило, что при таких душевных качествах мои предки были изгоями и брошенными «всеми порядочными людьми» одиночками – тот дурачок и ни черта не

понимает в людях, особенно в современных, особенно с советской партийно-номенклатурной закваской. Черта с два! Полон короб знакомых и приятелей, наш дом всегда был открыт для бурного общения, вечеринок и веселья. Тучи, тучи людей жаждали общества богатой, блестящей, красивой, влиятельной пары. И среди тех людей, разумеется, преобладали тоже богатые, часто и знаменитые – артисты, режиссёры и прочие культурные деятели. Они искали знакомства моих ярких и успешных родителей, и всем, решительно всем было плевать на их моральную, скажем так, нечистоплотность, на их откровенное пренебрежение порядочностью, милосердием, добротой и милостью к падшим.

Нередко приходилось видеть известных и титулованных людей, вещающих из телевизора про доброту, честь и нравственность, укоряющих тех, кто пренебрегает... Они столь убедительно грозили пальчиком, делая внушение подрастающему поколению, что невозможно было не проникнуться гуманизмом и не задуматься о своей совести и душе. А я помнила этих персонажей в нашем доме в полупьяную обнимку с моими мамой и папой – образчиками самого циничного и аморального отношения к жизни и к людям. Поскольку мне пришлось раскусить эту горькую конфетку слишком рано, слова, особенно красивые и правильные, перестали чего-либо стоить в моём представлении ещё в раннем детстве. Они обесценились как венесуэльская валюта, слова не значили ничего, а в сочетании с постной или пафосной фи-

зиономией становились смешными и звучали пискляво, помультяшному. Говорите, говорите... Сюси-пуси.

Способны ли на любовь такие люди, как мои родители? Ну, хоть кого-нибудь любить они в силах? В этом месте нам нужно было бы пуститься в длительные и нудные уточнения, что такое «любовь», кто что понимает под этим словом, как эта самая любовь может и должна проявляться... Следовало бы договариваться о терминах. Бесконечный поток слов, а я уже знаю: слова – ничто, пустота, тряпочная дешёвка. Поэтому ограничусь коротким «нет». Эти люди любить не способны. Наверное... Всё ещё думаю...

В своё время мы завели на потеху котёнка: вот вдруг захотелось нам с мамой поиграть в милую игрушку. Хорошенького, пушистого, с ужасно смешной мордочкой! Я была в восторге, мне было тогда лет шесть... Мама тоже была в восхищении. Около двух месяцев. А потом выяснилось, что растущее животное может принести немало проблем – у него когти, оказывается. А у нас дорогушая мебель и прочие ценности. Не знаю, куда делся мой Пушок, которого я любила до потери пульса. Он спал со мной на подушке, и каждое утро лизал меня прямо в нос. Я смеялась, просыпаясь от этого...

Однажды его просто не стало. Я пришла домой с прогулки, стала звать «Пушок! Пушок!», чтобы он, как обычно, выскочил мне навстречу с хвостом-трубой... Но никто не выскакивал, не встречал меня.

– Пушка больше нет и не будет, – сообщила мне мама,

легко проведя тонкими наманикюренными пальцами по моим волосам. – Кота держать в доме невозможно, мы не можем себе этого позволить. Не расстраивайся, я куплю тебе ту самую куклу, которая невеста, помнишь? Ты так хотела...

Я уже плохо слышала её слова, потому что рыдала. И рыдала дня два подряд, оплакивая своего Пушкиа и умоляя родителей сказать мне, где он теперь. Сквозь собственный крик, помню, как услышала капризное мамино «Ой, да не загружайте же меня!» и брошенную папой фразу «Это надо просто переждать, перетерпеть. Пройдёт, забудется». И он оказался прав. На третий день я плакала намного меньше, а на четвёртый мне принесли в подарок ту самую куклу. Я была очень рада. Поэтому на пятый день уже не плакала вовсе.

Что такое способность любить? Некоторые высказывают этакую «мудрость»: все люди любят по-своему, любят, как умеют. Таким образом, мы опять приходим к необходимости договариваться о терминах, растолковывать понятия, допуская или не допуская миллиона разнообразных трактовок. Абсолютно скучное и бесполезное занятие. У людей нет привычки договариваться, да и вообще слышать аргументы оппонента. Только когда речь идёт о смерти, о выживании, о неизбежной катастрофе для всех, вот тогда вдруг включается умение и слушать, и слышать, и откуда-то появляются способности к компромиссам, умению вставать на другую точку зрения, чтобы с неё обозреть поле дискуссии. А ежели речь о вещах не столь опасных, о «бытовухе» и абсо-

лютно неконкретной области чувств, то тут – каждый эксперт со своей школой и шкалой ценностей. И с собственным пониманием. Опыт. Выводами. И в полной амуниции не просто для противостояния иной точке зрения, но и для игнорирования и способности вообще не слушать оппонентов. В этом мы, люди, достигли совершенства: иметь уши, разум, знать грамоту и много умных слов и понятий, но при этом напрочь не слышать собеседников и тупо бухтеть своё, лишь бы своё. Особый дар, между прочим. Вершина эволюции. К этому надо было прийти, как мне кажется, пренебрежительно перешагнув через искусство спора, презрительно отбросив правила ведения дискуссии и уважение к тому, с кем ты, собственно, трындишь. Возможно, достаточно было избавиться от уважения... Ну, с этим в наше время полный порядок! И уважать особо некого и не за что, да никто и не заморачивается, хотя русские часто друг друга спрашивают: «Ты меня уважаешь?».

Поэтому влезать в безнадёжную дискуссию о том, что такое любовь, не буду. И никогда не влезала. Тупик и безнадёга. Но если брать мою точку отсчёта, мою кочку на этом поле, где каждый, как пингвин, торчит на своей, презрительно глядя на всех вокруг, балансирующих на собственных, то подобные моим родителям люди любить не могут, не умеют. И их, таких, очень много, может, даже большинство. Только большинство из этого большинства считает необходимым (по разным причинам) притворяться. Они умеют (научают-

ся) делать вид, что любят (родителей, детей, друзей). Умеют сюсюкать и вовремя произносить нужные слова. Это тренинг! Очень полезный для выживания и адаптации в обществе тренинг. Необходимый – если ты никто и ничто, а выживать надо. И ни за каким фигом не нужный, если ты, прошу прощения за пошлое выражение, «в шоколаде». Или если у тебя с юности всё легко получается с помощью цинизма и пренебрежения к вроде как вечным ценностям – не материальным, нет. Как раз к материальному в таких случаях отнюдь не пренебрежение, а понимание, что в нем суть жизни, её смысл и основа. Когда человек силён цинизмом, лицемерие и игра в «человека любящего» отбрасывается за ненужностью – лишнее же, только отвлекает и мешает. И правильно, по моему мнению! Силы надо экономить для главного. Игры – огромный расход сил. В любой игре с общественным мнением, кем бы ты ни старался притвориться, какую бы маску на себя ни натягивал, это трата внутренних ресурсов. И если можно без этого прожить, то нужно обходиться.

Счастливы нашедшие друг друга, мои родители именно так и рассуждали, именно так и жили. И живут, кстати, по сей день: им через пару-тройку лет шестьдесят, они здоровые и весёлые, красивые и выглядят на ухоженные сорок. А лет пять назад выглядели на тридцать пять. Это не преувеличение, им никто, никогда и нигде не верит, когда они общаются о своём возрасте. Даже отцовская лысина никого не смущает – молодые часто рано лысеют, а седину вокруг тон-

зуры папа подкрашивает в свой родной пшеничный цвет.

Была одна смешная история. На некоем мероприятии сколько-то лет назад, где мои блестящие мама и папа познакомились с очередными VIP-персонами, одна из представленных оказалась шибко впечатлительной дамой из актрис, нашедшей своё счастье с норвежским дипломатом. И когда разговор новых знакомых уже стал громко-радостно-непринуждённым, родители признались в своём возрасте. Как обычно, раздались возгласы восхищения, недоверия и восторга, а эта самая актриса с силиконовыми губками и двумя подтяжками в свои сорок девять, вдруг взяла и рухнула в обморок. Видимо, нервы не выдержали, слишком болезненная для неё тема, а моложавый вид моих родителей – натуральный триггер. Ах, как радостно потом мама с папой хохотали, вспоминая эту сцену, смеялись довольные друг другом, но в большей степени каждый собой. Это я точно знаю. Потому что в такие моменты замечала, как, смеясь, каждый из них стрелял глазами в зеркала, довольный и радующийся именно своему отражению.

Зная моих родителей близко и глубоко, особенно ясно понимаешь, как полезно для молодости и здоровья организма жить для себя, любить только себя, быть эгоистом во всём – от бытовых мелочей до серьёзных бизнес-дел. Ну, и, разумеется, полезно быть богатым. Но данная опция часто прилагается бонусом к супер-эгоизму, самовлюблённости и исключительному стремлению к удовольствиям и роскоши. А

когда ещё есть хоть немного хитрого ума... Без ума все вышеперечисленные качества – пустышка, приводящая людей всего лишь к уродливой злобе, бедности и одиночеству.

Что же они чувствовали друг к другу? Точнее выражаясь, друг от друга. «Калорийностью» веяло от обоих, вот! От папы – понятно, что за калорийность, а от мамы... Красивая. Умная. Расчётливая. Чётко знающая всегда, как надо себя вести и как действовать. Бескомпромиссная. Обладающая особым даром при близком контакте с людьми чувствовать заложенную в них мину неуспешности и грядущих жизненных провалов. Это её качество отец особенно обожает, всегда с ней советуется, приговаривая: «Ты ж у меня Кассандра незаменимая!» При этом мать отличная хозяйка в доме – прислуга ходит по струнке, дорожа своим местом, и никогда никаких неприятностей с персоналом: мать своим шестым чувством нанимает людей со снайперской точностью. Такая вот у неё «калорийность». Что ещё нужно было моему папаше? О большем и лучшем невозможно мечтать.

И по сей день эти двое успешны, уже давно миллионеры, как между струйками проскакивают между любыми экономическими бурями и тектоническими политическими сдвигами, всегда держась стороны силы и власти, тонко чувствуя, с кем рядом нужно быть в правильный момент, вовремя сдавая и предавая несвоевременных и ошибающихся, вчера ещё соратников, друзей и коллег.

Самый крепкий в мире брак. Самое успешное сотрудни-

чество мужчины и женщины для сотворения благополучия и богатой жизни. И лишь в одном им обоим пришлось наступить себе на горло. Разумеется, им не нужны были дети, но тогдашнее, ещё советское общество такой подход к жизни не одобряло. Поэтому пришлось завести ребёнка. И родилась я. А от меня уже невозможно было избавиться, как от Пушки. Но, к счастью, я родилась хорошенькой и здоровой, поэтому со мной... в меня вполне можно было «поиграть» и даже с удовольствием. Они играли. Пока не надоедало. А однажды, когда я ещё была совсем малышкой, услышала их разговор:

– Жаль, что у неё нет кнопки, правда? Раз – выключила, поставила на полочку и отдыхаешь! – с явным сожалением произнесла мама.

– Да уж, неплохо бы, – охотно согласился папа. – Уже голова раскалывается от её писка, не отказался бы от кнопочки.

Мне было лет пять, но отчего-то я до последней интонации запомнила тот диалог. Возможно, потому что тогда жутко, до одури испугалась – а вдруг всемогущие родители приделают мне кнопочку? А вдруг однажды меня выключат и не захотят больше «включать»?

Помню, придумала я тогда игру, точнее, репетицию, тренировку: как оно будет, если у меня появится кнопка. Я прижималась спиной к стене, нелепо растопыривала руки, открывала рот, закрывала глаза и замирала. И так стояла, стараясь продержаться как можно дольше. Не шевелясь, почти

не дыша. Однажды меня за этим занятием застала мама.

– Ты что это? – и легонько ткнула меня пальцем в живот. Я дёрнулась, эксперимент был грубо прерван.

– Ну, ма-а-ам! – заныла я. – Ты всё испортила, я же выключена сейчас, у меня кнопка нажатая! А ты испортила, теперь опять надо будто нажимать!

Мама звонко так расхохоталась, обняла меня и с чувством чмокнула в лоб.

– Смешная кукла, прелесть просто!

В общем, не было у меня никакого несчастного детства, если кто об этом подумал. Всё было нормально, не считая подобных мелких эксцессов. А у кого их не было? Покажите мне такого человека! Есть ли на свете хоть один товарищ любого пола, кто хотя бы раз не думал о том, что родителям он в тягость и без него им, любимым, было бы в тысячу крат лучше? Неужели такие живут на этом свете? Верится с трудом.

Однажды, когда мне было лет двенадцать, бедовая дворовая подружка из семьи «простых инженеришек», как выразился о них папа, жившая через пару домов от нашего элитно-номенклатурного здания, затащила меня на чердак их девятиэтажки. Дверь, ведущая под крышу, почему-то была открыта. Впрочем, что значит – почему-то? Дом обычный, для простых людей, кому какое дело!

Через чердак мы вылезли на крышу. И дальше начался детский адреналиновый аттракцион: мы подкрались к само-

му краю и сели, свесив ноги в пустоту. Помню ледящий и колющий ужас в животе, ватную слабость коленок и в то же время абсолютный щенячий восторг. Мы хохотали, визжали и пели песни. Вспоминали Карлсона и звали его во всю глотку.

Естественно, что нашлись где-то рядом, может, в домах, может, на улице, бдительные граждане, тут же позвонившие в милицию. В общем, вытаскивали нас с крыши дяди менты и пожарные. А внизу тем временем уже стояла моя мама, с совершенно зелёным лицом, трясущаяся и потная. Как она узнала, как попала туда – не знаю или не помню. Зато помню, как она больно-пребольно сдавила обеими руками мою голову, прижала к груди так, что я услышала её сумасшедше колотившееся сердце, и разрыдалась. Разве это не было признаком любви к своему ребёнку? Несмотря на мечту о кнопке? Или это был просто дикий испуг?

Дома мне влетело по самую маковку от обоих. С «дурной девкой из быдла» было строго-настрого запрещено впредь общаться. Да, ещё помню резкий запах валокордина в тот вечер – мама капала себе его раза три. А папа назвал меня «напрочь пробитой идиоткой». Он тоже был бледен, но холоден, не плакал и не прижимал меня к себе. Наверное, в тот день он особенно страстно мечтал о кнопке. Впрочем, возможно, и мама тоже.

Если откровенно, такие сильные и больные мамини объятия в жизни больше не повторились ни разу. Поэтому до-

вольно долго я по ним скучала. Хотелось ещё разок... так же. Но ведь не лезть снова для этого на крышу, правда?

Зовут меня Таша, то есть Наташа, но дома меня всегда звали Ташей, и я сама для себя признаю только это имя. Так всегда и представлялась, для всех друзей и знакомых я – Таша. Для друзей... Кого я могла бы назвать друзьями? Разве они у меня были когда-нибудь? Ну, кроме Ленки.

Умела ли я дружить? Если мне нравился человек, я с радостью с ним сближалась, но до первой сложности – в отношениях ли или если какие-то проблемы возникали у «друга». Я всегда очень не любила проблемы, не хотела их решать, сразу хотела «выключить». Искала кнопку, наверно. Поскольку кнопок не находилось, предпочитала просто прекращать общение и не забивать себе голову. Всё-таки родительские гены, куда от них денешься. Поэтому рядом со мной были только приятные, красивые, беспроблемные дети. И жилось легко. Так я и росла, так и выросла.

Превратилась в красивую, эффектную, по всем параметрам «упакованную» девушку, настоящую экзотическую бабочку. Без сложностей и рефлексий. Когда я смотрела на себя в зеркало, то получала эстетическое удовольствие: мамина шевелюра а-ля Барби, мамины миндалевидные глазщи, только цвет папин – серый. Жаль. Но всё равно красиво.

Худенькой, поджарой, спортивной я тоже получилась в отца. Тонкая кость, узкие бёдра, остренькие плечики – всё та-

кое изящное и кукольное. Словом, от родителей я взяла самое лучшее в смысле внешности. Повезло. И мне, и им – было, чем гордиться.

И жила я по заветам «отцов» весело и благополучно.

Всё сломалось в мои шестнадцать лет. Беды случились одна за одной, последовательно.

Была у меня одна-единственная самая близкая и всегдашняя школьная подружка, Ленка, девочка, разумеется, из очень и очень правильной семьи. Отец – депутатствовал тогда ещё в Верховном Совете (нынче этот старый пердун до сих пор в Думе штаны просиживает, вечная депутатская харя в ящике... И всегда от той партии, которая главная и рулит), мать уже по-позднеперестроечному вовсю «бизнесовала», руководя сетью салонов в Москве и Питере. По делам фирмы регулярно выезжала за границу, и заграницы были чаще всего капиталистические. Разумеется, мы учились в особенной школе, где все дети особенные, из элиты, с будущим. После получения аттестатов нас с угодливо распротёртыми объятями ждали МГУ, МГИМО и прочие престижные вузы. Словом, моя дружба была «правильная», и с самого первого класса мы с Ленкой сидели за одной партой и считали друг дружку самыми лучшими.

Мы были самые красивые девчонки в классе, если уж откровенно. Особенно это стало очевидно к старшей школе. Ленка... Высокая, статная. Если я была поджарой худышкой,

то она – дивой! Уже к четырнадцати годам её школьную форму бессовестно распирали круглые и совершенные по форме груди. Нежная, гибкая талия, умопомрачительные бёдра. А рост намного выше среднего из-за длиннющих стройнющих ног. Иссиня-чёрные гладкие волосы всегда с безупречной стрижкой каре... Глаза цвета горького шоколада, рот манящий – алого цвета пухлые губки без всякой помады. Возможно, вся эта красота её и погубила...

Словом, дружили две куколочки, дружили весело, как и жили – беззаботно, с той самой советской уверенностью в завтрашнем дне. Плохого не видели или не замечали, старались из каждой минуты извлечь радость и повод похохотать.

Часто бегали друг к другу в гости. Но у меня дома царила мама, не любившая детского шума и суеты, она постоянно старалась выпроводить нас погулять. А Ленка, как правило, была дома одна, оба её родителя пропадом пропадали на своих работах, поэтому вся просторная квартира, обставленная «по-западному», как и у нас, была в полном нашем распоряжении. Там мы танцевали, наряжались, прыгали по мебели, как дурочки, играли в прятки, в привидений и почему-то в ковбоев.

Подружка Ленка. «Ленка-пенка-драная коленка» – я её так часто дразнила, но с нежностью, потому что никаких проблем меж нами не было: только игры, киношки, позже дискотеки, танцульки и прочие девичьи радости. А уж она

меня как называла! Что рифмуется с Ташкой? Вот именно. Но мы никогда друг на друга не обижались, всё между нами было легко и просто.

Когда стали постарше, мы часто забирались с ногами на диван, грызли орешки и обсуждали прочитанные книги, фильмы, которые посмотрели накануне в ближайшем кино-театре. И нам было интересно друг с другом, и вкусы наши совпадали, и оценки. Мы были неглупые и начитанные девочки. Несмотря на то, что через полчаса «умных бесед» могли с визгом вскочить, переодеться в чумовые купальники и, врубив видеомагнитофон, всюю заниматься модной тогда аэробикой. Ух, как мы танцевали, потели, визжали! Мы видели жизнь только с праздничной, благополучной стороны. Нам повезло родиться в богатых и привластных семьях. Мы думали, что нам повезло. Повезло???

И вот однажды... Затрезвонил телефон – вечером, уже в девять часов. Я, как обычно, подскочила к аппарату первой – вдруг кавалер? На проводе была Ленка.

– Таш, Таша... – я с трудом узнавала голос подруги, она будто хрипела и дышала очень тяжело. – Таша, выйди, пожалуйста, на улицу, спустись, я тут...

– Тут? – поразилась я. Ленка жила всё-таки в десяти минутах езды от нас. – Ночь на дворе, ты что? Что ты тут делаешь, поднимайся к нам!

– Не могу, – прошелестела Ленка. – Не могу я к вам. Умоляю, спустись. Только своим не говори ничего!

Была уже поздняя осень, я натягивала куртку, когда в прихожую вышла мама в роскошном шёлковом пеньюаре, держа руки, поднятыми вверх и остервенело трясая кистями – она сушила наманикюренные ногти. Мама сделала огромные глаза ещё больше, округлив их в праведном возмущении.

– И куда это на ночь глядя? Сдурела?

Я молитвенно сложила руки:

– Ма, на пять минут вниз – и всё. Танюшка позвонила, которая из соседнего подъезда, они щенка завели, сейчас впервые вывели его гулять, зовёт посмотреть! Плииииз! Там такая хорошенькая собачка, из этой породы... как её...

– О-о-о-й, ладно, только не нагружай, – сморщилась мама. – Пять минут, и чтоб дома была!

Я опрометью выскочила во двор. Моя прекрасная Ленка сидела, скрючившись, на скамейке у нашего подъезда. Падал мокрый снег, дул противный ноябрьский ветер, она куталась в шубу, но на её ногах я заметила домашние тапочки. Ленка дрожала, и губы её были синими почти до черноты.

– Ты что, очумела? Что случилось? Ты ж сдохнешь!

Дальше начался долгий кошмар, первый кошмар моей жизни. Перевернувший всё.

Ленка рассказала, что её мама уехала на несколько дней в Питер по своим бизнес-делам. К отцу пришли его друзья-приятели «по партийной линии», мужики стали пить. Уф, не могу, до сих пор у меня вся шерсть встаёт дыбом, когда вспоминаю. В общем, компания из пятерых выпивших

членов партии изнасиловала мою подружку.

– И отец тоже... и отец тоже... и отец...

Она бормотала всё это, как в бреду, медленно распахивая незастёгнутую шубу, под которой оказалась всего лишь комбинезонка... и показывая мне синяки и кровоподтёки на своём худом теле... около шеи... на груди...

– Ты не представляешь, что у меня ТАМ, – прохрипела Ленка. Помню, как у меня будто подломились в коленях ноги, и я рухнула на мокрый асфальт перед истерзанной моей подружкой.

– Что мне теперь делать? – хрипела тем временем Ленка. – Куда идти? В милицию? На отца заявлять? Домой вернуться? Что мне делать, Таш?

Я плохо соображала в ту минуту, мысли путались, а в мозгу будто взрывались петарды. Разум инстинктивно пытался защититься от чудовищной информации. Мне думалось: Ленка сошла с ума, ей всё привиделось. Ленку изнасиловали в подворотне, поэтому у неё помутился разум. Ленка решила меня дико разыграть... И так далее. Но глядя на её почти мёртвое синее лицо, на синяки и раны на теле, я понимала, что ничего у моего разума не получится: я вижу то, что на самом деле случилось.

Ленкин отец мне никогда не нравился – скользкий, неприятный тип с вечно убегающим взглядом и гаденькой улыбкой. Любитель спиртного, да... Я знала от родителей, что наши депутаты, как правило, не дураки выпить и даже на-

жраться до свинячих чертей. Отец их, кстати, за это презирал. Именно за это, а не за что-нибудь ещё. Правда, это не мешало им всем быть вполне себе друзьями-приятелями и периодически развлекаться в одной компании. И никто не возбранял напиваться этим приятелям в нашем доме.

Дальше я сделала то единственное, что могла и что должно было сделать. Я всё же потащила упирающуюся Ленку к нам домой. И закружился хоровод...

Закружился номенклатурно-властный хоровод по тщательно разработанному сценарию, как покрыть преступление и разрулить ситуацию любой ценой, но без существенного ущерба для всех. Правда, кроме Ленки. Конечно, никакой милиции. Ленке, естественно, оказали медицинскую помощь «через своих» и крепко-накрепко заткнули рот. Мне тоже было велено молчать в три кляпа, иначе я буду отвечать как преступница и предательница.

Помню судорожные метания родителей из комнаты в комнату: в гостевую они поместили подружку, меня туда вообще больше не пускали, я лишь слышала приглушённые голоса родителей, сдавленные Ленкины рыдания... Потом оттуда выскочил отец с безумными глазами, бросился в свой кабинет и стал названивать по миллиону телефонов, «решая проблему».

Затем меня в приказном порядке отправили спать, мать чуть ни силком сунула мне в рот какую-то таблетку («чтобы ты успокоилась»), вырубившую меня через пять минут на

десять часов мёртвого сна.

На следующий день я проснулась в одиннадцать утра, никто меня даже в школу не разбудил. Голова у меня трещала явно после какого-то адского снотворного, я едва дошлёпала до кухни на слабых ногах, где мама чинно вкушала свой утренний чёрный кофе с корицей. В роскошном шёлковом пеньюаре. С безупречно красивым и чисто вымытым лицом, с элегантно заколотыми на затылке тяжёлыми платиновыми локонами, со свежим и ярким маникюром на ногтях.

– Ма, что было? Где Ленка? – сиплым с нездорового сна голосом спросила я.

Мать спокойно посмотрела мне прямо в глаза невозмутимым взглядом и ответила:

– Тебе тоже доброе утро. Всё в порядке, не о чем беспокоиться. Всё улажено.

– Что? – вскрикнула я. – Как улажено? Где Ленка? – мать сморщилась от моего крика и в раздражении закусилла жемчужными зубками нижнюю губку.

А потом мне была прочитана лекция о том, чтобы я не смела даже вспоминать всё произошедшее, что ничего не было, что рот должен быть на большом висячем замке или зашит суровой ниткой.

– Ибо есть вещи, про которые ни говорить нельзя, ни судить невозможно. Тем более, вам, соплюхам. Не вашего ума это дело. Взрослые разберутся и всё уладят. А для вас – всё, история закончена. Хочешь дальнейшей нормальной и спо-

койной жизни – забудь. И молчи.

– А Ленка? Ленка тоже забудет?

– Всё будет в порядке с твоей Ленкой. Тоже забудет и тоже будет молчать.

СЕГО ДНЯ

Вениамин – гений, про которого мир пока не знает. То есть, его новые прорывные супер-программы для компьютеров, конечно, уже вошли в историю, его имя с уважением произносят в Силиконовой долине, а Билл Гейтс со товарищи внимательно изучают его работы. Но это всё лишь маленькая, крохотная часть его гения. То, что он сделал – не просто изобрёл на коленке, а сделал руками сам от и до, могло бы перевернуть жизнь всей планеты. В любую сторону, отнюдь не только в положительную, уж я-то знаю. Впрочем, так можно сказать о любом великом изобретении. Но человечеству, возможно, не только не суждено воспользоваться Венкиным открытием, но даже узнать о нём. Потому что намного раньше про его теорию, задумки и затеи прознал Рома Крюков, у которого в этой жизни есть один-единственный бог – деньги. При этом Крюков не очень образован и весьма подвержен влияниям и воздействиям извне. До встречи с Веней это приносило ему одни убытки, хотя всё равно он оставался вполне успешным игроком на рынке недвижимо-

сти. Но ума и интуиции всё же не хватало на стратегию, лишь на тактику короткой дистанции.

Смешной персонаж этот Рома! Так и не смог расстаться с нежно им любимыми 90-ми годами. Уже все, абсолютно все переделались в Версаче и Лагерфельда, но Крюков ни за что не пожелал предать те самые знаковые пиджаки лихих времён. Он так и ходил зимой в тёмно-бардовом шерстяном, а летом в так называемом «лёгком», изумрудно зелёного цвета. И «годовая цепура», обязательно дополняющая этот прикид, никуда не делась с его бычьей шеи. Вроде пальцы гнуть по-пацански перестал, разговаривать более или менее научился по-человечески, но вот этим деталям собственного убранства изменить не мог. Поэтому поначалу многие его не воспринимали всерьёз, но это в первые пять минут общения. Всё-таки в своём деле он «рубил» неплохо, считал без калькулятора, в уме почти как персонаж Дастина Хоффмана в фильме «Человек дождя», а идеи схватывал на лету. Он никогда не был рэкетиром, «быком», бандюганом, а всегда занимался бизнесом. Просто ему слишком много в те годы пришлось иметь дел с теми самыми «конкретными» ребятами. Фактически, только с ними и приходилось работать – чтобы выжить, чтобы сохранить бизнес, чтобы продолжать заниматься своим делом.

Но повторю: Рома всегда был очень внушаем и впечатлителен. Вплоть до того, что с него какое-то время неплохо кормились астрологи и предсказатели всех направлений

и учений. Они сумели вдолбить в его бритую башку (кстати, тоже привет из 90-х, если не считать, что таким образом Рома скрывал раннюю плешивость), что успех и богатство можно рассчитать по звёздам, стоило лишь найти правильного профессионала («А вот он я! Я этому учился в Гарвардской школе прикладных наук, прошёл полный курс, у меня диплом магистра, а ещё я член Международной ассоциации академических астрологов. Вот мои дипломы и звания»). И Рома всегда «плыл» от подобного захода, почтительно склонял голову, верил и надеялся. Уважительно и бережно перебирал и рассматривал дипломы, а в мечтах уже рисовал картины полной и окончательной победы на рынке московской недвижимости над всеми упорными, подлыми, хитрыми и назойливыми, как летние мухи, конкурентами. Как этот человек не разорился на своих глупых поступках и метаниях – загадка для меня. Но держался на плаву и неплохо держался.

И однажды к нему пришёл Вениамин Львовский. Со своей идеей. По правильному адресу пришёл – больше не к кому было. С такой идеей его в лучшем случае обсмеяли бы жестоко и обидно где угодно, а в худшем – спустили бы с лестницы за наглость.

Потому что идея состояла всего лишь навсегда в... возможности двигаться во времени. Причём, назад. И таким образом, ныряя в прошлое, делать там верные коммерческие шаги – для будущего.

Это хорошо, что в своей жизни Роме довелось прочитать

не так много книг и быть вечным троечником. Да и кино он не шибко увлекался. Поэтому не очень был в курсе того, что идеи про вечный двигатель и машину времени уже давно не рассматриваются нигде и никогда во веки веков не будут, аминь. Коммерческие возможности, заложенные в Венькином изобретении на основе его же открытия потрясли воображение дельца. А Вене позарез нужна была база, лаборатория и прочее, необходимое для постройки того, что он уже высчитал, вычислил и сто тысяч раз начертил на бумаге и в компьютере. На этически-коммерческую часть плана ему было глубоко плевать. Он просто знал, что никто, нигде и никогда ему не даст ни метра площади, ни копейки денег, даже на бедность из жалости. Никто, кроме Ромы Крюкова. Откуда-то Венька про него прознал, наверно, от астрологов, которые в своё время вполне успешно настригли густой шерсти со странного, но упрямого в своих начинаниях риелтора.

У Вени появилось то, чего не было раньше: место для работы – много места... Деньги. Но из самого современного оборудования много чего не хватало. А для этого нужен был доступ в закрытые и секретные НИИ и их лаборатории. А тут рядышком, под боком, как рояль в кустах, оказалась я, пахавшая на Крюкова переводами. Что переводилось для конторы по недвижимости, казалось бы – какая такая могла быть переводческая работа? Удивительно и непонятно? А зря. Крюков идиотом-то не был, помимо грёз о том, как

можно было бы использовать нынешние знания в прошлом, он старался по-возможности заглядывать в будущее через информацию про аналогичные рынки в мире, памятуя о том, что мы всегда отстаём на сколько-то лет. Поэтому моей задачей было находить и переводить на единственно понятный Крюкову язык все, какие только выходили, материалы во «вражеской» прессе по поводу интересующего нас сегмента. С анализом и тенденциями, веяниями и прогнозами.

Рома знал, где и кто мой папа. И это он, сукин сын, подначил Веню приударить за мной с далеко идущим планом: войти в мою семью и использовать возможности будущего тестя в Роминых интересах. Откуда я про это узнала? Всё же я дочь своей мамы, умею «читать» людей, тем более, имею бесценный опыт изучения человеческой изнанки и по своей жизни, и с помощью долгих бесед с психиатром... Плюс с малолетства прекрасно знаю цену слов... Через пару как бы романтических встреч Веня вынужден был сам мне признаться во всём, как на духу – а куда б он делся? Это ничего не испортило – Веня мне понравился, особенно, когда я впервые сняла с него эти жуткие очки. Да и я нравилась ему, я не могла не нравиться молодому мужчине: слишком хороша, слишком сексуальна, слишком опытна и порочна, чтобы пройти мимо. Какой начинающий даже Эйнштейн устоит против такого количества «слишком»? Веня плыл и таял, приближаясь ко мне, а я умела делать те движения губами и руками, от которых любой мужчина превращался

в нагретый на солнце пластилин. В общем, глупая и смешная техника, работающая в ста из ста, а опыт у меня был.

И мужчина без всякого допроса с пристрастием признается в чём угодно, выдаст любую тайну, продаст маму, друга и президента своей страны. Не сомневаясь в правильности своего поступка.

Но это всё потом, потом...

Когда-то я была совсем не такой, а всего лишь шестнадцатилетней девчонкой, с чьей подругой случилась страшная беда...

КОГДА-ТО

Ленка не появлялась в школе недели две. Я ощущала её отсутствие за нашей партой как смертельный холод, будто рядом со мной было пустое пространство, вроде чёрной дыры, из которой дуло минус сорока градусами по Цельсию. И дело не просто в ледяном холоде, но и в боли: оттуда било то ли колючками, то ли вонзавшимися в меня острыми иголками с ядом. «Что с Ленкой?» – с любопытством спрашивали меня одноклассники, а я, как та рыба, которую выбросили из воды на сухой песок, безмолвно открывала рот, пыталась дышать и произнести хоть какой-то звук, но вместо внятных и связанных между собой слов у меня получался хриплый

рык: «Ннне зззнаю, отвжтсь!» Последнее слово давалось с особым трудом, оно означало «отвяжитесь».

Мой мозг отказывался функционировать в нормальном режиме, поэтому, когда меня вызывали к доске, я это плохо воспринимала, плохо слышала, не сразу реагировала, а когда с трудом всё же поднималась и медленно, подволакивая ноги, выходила, то просто тупо молчала, глядя в одну точку перед собой. Как самая раступая двоечница, каковой сроду не была. Мне не подчинялись ни мозги, ни язык. И меня перестали спрашивать и вызывать. Наверное, у учителей случился некий разговор и договор с моими родителями, и меня надолго оставили в покое. И учителя, и ребята.

Однажды Гнида Крысовна (классная наша) устроила тематический урок под названием «Береги честь смолоду». Её лекция посвящалась в основном девушкам, которые должны себя блюсти и не позволять ничего такого, что могло бы привести к печальным последствиям. «Девушки должны...» и бла-бла про скромное поведение. При этом она почему-то буквально жрала взглядом именно меня. Наши парни слушали с большим энтузиазмом и ржали, естественно. Некоторые девчонки хихикали, а прочие сидели с вытаращенными глазами и никак не могли понять, с какого вдруг бодуна в середине десятого класса случилась столь трепетная забота о нашей чести, за которую мы несли такую же ответственность, как солдаты Великой Отечественной за знамя своего полка (это из речи Крысовны). Я слышала ушами весь её горячеч-

ный бред, но никак не могла взять в толк, какое всё это имеет отношение к случившейся с Ленкой беде. Хотя уже понимала, что виноватой в той истории назначили именно её, что моё и её молчание – залог того, что никого не казнят: ни нас, ни её отца, ни его товарищей по партии. И это надо было не просто принять, как данность, с этим следовало смириться и дальше как-то жить вот в такой новой для меня реальности. В реальности, которую создавали взрослые люди, наши родители и учителя.

А потом Ленка вернулась. Я с трудом узнала в вошедшей в класс свою некогда блестящую и сногсшибательную подружку. И она так никогда больше и не стала прежней.

Куда делась её роскошная фигура? Её умопомрачительные формы – где? В класс едва заметной тенью прошмыгнул, прошуршал настоящий скелет с вольно болтающимся на нём школьным платьем, под которым невозможно было увидеть никакой фигуры, никаких выпуклостей – их не было больше вообще. Когда-то фарфоровый цвет лица с розовым нежным румянцем исчез. Её кожа стала... сложно описать... сказать, что серой, это не сказать ничего. Серой в чёрную крапинку. Глаза сделались меньше – разве так бывает? – и потухли. Теперь это были глаза старушки... Словом, я её с трудом узнала, впрочем, как и все остальные. От дивы Ленки не осталось ничего...

А ещё её от меня отсадили. Теперь она сидела в одиночестве за самой последней партой. Причём, что интересно...

Мы обе этому будто обрадовались. Ведь когда она вошла в класс, ни я, ни она, ни одна из нас не бросилась к другой! Мы встретились взглядами и тут же их отвели. Мы перестали общаться. Мы обходили друг друга по большой дуге.

Почему себя так вела она, я не знала. Дотумкала, только когда уже совсем выросла, стала взрослой. А вот почему я... Это мне было ясно с самого начала. Привет вам, мамини-папины гены! Мне не хотелось быть рядом с жуткой болью, с кошмаром, как бы замазан и заперт под замок он ни был. Мне не нужно было чужое страдание, мне хватало своего, которым стали воспоминания о том вечере. Я ведь даже злилась на Ленку за то, что из-за неё мне пришлось такое испытать и пережить.

Забуть бы! А как забудешь, как? Не существует таблеток, чтобы избирательно потёрли что-то в памяти, конкретные какие-то события. Казалось, во мне навеки поселился ужас того вечера и последующих дней, он вольготно расположился в моей памяти и прописался там навсегда на полных правах случившегося. Ненавижу тебя, Ленка, думала я. Это всё ты мне устроила, ты мне испортила нормальную и спокойную жизнь.

Так Ленка-пенка-драная коленка перестала быть моей подружкой. И я, сделав небольшое усилие, сблизилась с другими девчонками в классе, научившись игнорировать и даже совсем не видеть сидящую за последней партой серую в крапинку девочку-скелет. Да на чёрта она мне такая сдалась!

Чужие проблемы и горести не должны быть моими! С какой стати? Хотя иногда я жутко скучала по той красотке-брюнетке, статной и весёлой Ленке! Ужасно скучала... Но та девочка, по которой я тосковала, не имела никакого отношения к сидящему за последней партой уродливому существу.

Близился Новый год. Девчонки готовились к школьной дискотеке и обсуждали наряды. Мы собрались в коридоре, у широкого подоконника, на котором часть из нас расселась, а прочие стояли рядом тесным кружком. Настроение было приподнятым, предновогодним, за окном густо падал снег, под подоконником бешено грела батарея, нам было уютно и радостно.

И вдруг сквозь толпу девчонок протырился сероликий скелет и схватил меня за руку.

– Ты прости! – тихонько буркнула Ленка мне в ухо и тут же отпрянула назад, девичьи плечи моментально сомкнулись, будто никто их и не раздвигал. По-моему, одноклассницы даже не заметили этой секундной сценки. А я почувствовала, что у меня в ладони осталась какая-то бумажка. «Записка!» – сообразила я и тут же сунула бумажку в карман фартука. Если бы я знала... У меня была возможность... У меня было целых пять минут... Если б сразу прочитать... Но мне было совершенно не до того.

А через пять минут раздался дикий вопль, потом ещё один и ещё... Через мгновение, казалось, орала вся школа.

Мы вскочили и бросились бежать, сами не зная куда... В сторону воплей, наверно.

За те пять минут (которые у меня были, у меня были, были!) Ленка поднялась на последний четвёртый этаж, вошла в пустой класс, залезла на подоконник, рванула заклеенные на зиму рамы и прыгнула в окно. Вниз головой, прошу заметить, чтобы уж наверняка. И мы увидели то, что в результате получилось.

В тот момент я не кричала, не плакала. Меня сковал ступор. Я просто смотрела и думала: она не выдержала. Она не выдержала. Она не выдержала. А чего не выдержала?

Вокруг грохотал шум, крики, чей-то плач, и тут я вспомнила, что у меня в кармане записка. Тихонько отделившись от всех, я пошла в пустой туалет и достала из кармашка в восемь раз сложенный листочек... Прыгающий, неровный почерк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.